

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР: «ВАТИКАН В СРЕДНЕЙ АЗИИ»

Уважаемые читатели!

Представляем новый номер журнала «Ортодоксия», посвящённый политике Ватикана в Средней Азии.

В последнее время мы о Средней Азии слышим преимущественно в связи с проблемой мигрантов, что, безусловно, важно, но суживает для общественного внимания действительно стоящие перед Россией в этом регионе задачи и перспективы. Со Средней Азией мы прожили в одном государстве несколько веков, здесь до сих пор еще живут миллионы русских и граждан иных, коренных для России национальностей. Это до сих пор еще во многом русскоязычный регион.

Прочны в Средней Азии позиции Русской Православной Церкви — православие занимает первое место по распространению и влиянию среди христианских конфессий. Однако после 1991 года здесь начали активно работать протестанты и вслед за ними — католики.

После краха Советского Союза в этот регион, помимо того, что там возникли новые полноправные международные субъекты — независимые государства, — пришли и новые игроки. Кардинально поменялся политический, социально-экономический, культурный и религиозный расклад сил в регионе. Но на самом деле, как часто бывает, новое — это во многом забытое старое. В Средней Азии после 1991 года с высокой интенсивностью возобновилась так называемая «Большая игра» (термин писателя и разведчика Редьярда Киплинга).

«Большой игрой» именуют длившуюся несколько столетий историю соперничества Российской и Британской империй вокруг Индии, Средней Азии, Монголии и Афганистана.

Сегодня Британию в качестве главного игрока заменили США, и Средняя Азия переживает во многом переходную эпоху. Наглядный показатель этой переходности — неустоявшаяся терминология. В России используется термин «Средняя Азия», обычно говорили «Средняя Азия и Казахстан» — последний часто выделялся отдельно. С распадом СССР в этом культурном пространстве стали применять западный термин — «Центральная Азия», имеющий более широкое географическое значение, поскольку включает в себя не только Казахстан, но и Афганистан, Монголию и ряд районов Китая.

За такой двоящейся терминологией, безусловно, стоят культурно-исторические войны и разные политики памяти. Поэтому мы посчитали, что не должны соблюдать на сегодняшний день единую терминологию, оставив выбор авторам статей. В то же время мы, как люди, принадлежащие русской культуре, считаем необходимым придерживаться отечественной лингвистической традиции в написании и произношении географических названий.

С 1991 года в Средней Азии появились совершенно новые игроки, и один из них — Ватикан. Римско-католическая церковь в последние 35 лет активно пытается войти сюда и освоиться в совершенно новом для себя политическом, культурном и географическом пространстве. До 1917 года из католиков тут были преимущественно поляки, сосланные за участие в антироссийских восстаниях. Сегодня же Ватикану открываются совершенно новые возможности, он входит в регион на основе своей нынешней идеологической повестки: экология, борьба с бедностью, «межрелигиозный экуменический диалог», активное использование идеологической повестки так называемого Глобального Юга. В целом вся эта многообразная активность Ватикана говорит о переориентации Римско-католической церкви в этом направлении. На фоне процесса постепенной децентрализации мира началась борьба за Глобальный Юг, которая в случае успеха глобалистских сил может замедлить процесс перехода к многополярности. В этом смысле усилия Ватикана в полной мере вписаны в контекст глобальной политики. Глобализм всё чаще говорит «от имени» периферии. Успех переориентации на периферию позволил бы Западу использовать часть политического ресурса Глобального Юга для контроля над Европой и противостояния с Россией и Китаем.

Католический прозелитизм сегодня, как и прежде, выступает в роли «мягкой силы», ставящей целью вестернизацию Средней Азии и вытеснение России и Русской Церкви из региона.

А. В. Щипков